

НИКОЛАЙ ГАРИН-
МИХАЙЛОВСКИЙ

КЛОТИЛЬДА

Николай Гарин-Михайловский
Клотильда

«Public Domain»

1908

Гарин-Михайловский Н. Г.

Клотильда / Н. Г. Гарин-Михайловский — «Public Domain»,
1908

«Я только что кончил тогда и молоденьким саперным офицером уехал в армию. Это было в последнюю турецкую кампанию. На мою долю выпал Бургас, где в то время шли энергичные работы по устройству порта, так как эвакуация большей части армии обратно в Россию должна была и была произведена из Бургаса...»

Содержание

I	5
II	9
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Николай Гарин-Михайловский

Клотильда

I

Я только что кончил тогда и молоденьким саперным офицером уехал в армию.

Это было в последнюю турецкую кампанию.

На мою долю выпал Бургас, где в то время шли энергичные работы по устройству порта, так как эвакуация большей части армии обратно в Россию должна была и была произведена из Бургаса.

Ежедневно являлись новые и новые части войск, некоторое время стояли в ожидании очереди, затем грузились на пароход Добровольного флота и уезжали в Россию.

Эти же пароходы привозили новых на смену старым для предстоящей оккупации Болгарии.

И таким образом Бургас являлся очень оживленным местом с вечным приливом и отливом.

Как в центральный пункт, в Бургас съехались все, кто искал легкой наживы.

Магазины, рестораны процветали.

Процветал кафешантан, устроенный в каком-то наскоро сколоченном, громадном деревянном сарае.

Первое посещение этого кабака произвело на меня самое удручающее впечатление.

За множеством маленьких столиков в тусклом освещении керосина в воздухе, до тумана пропитанном напитками, испарениями всех этих грязных тел, – всех этих пришедших с Родопских гор, из-под Шипки, из таких мест, где и баню и негде и некогда было устраивать, сидели люди грязные, но счастливые тем, что, живые и здоровые, они опять возвращаются домой, – возвращаются одни с наградами, другие с деньгами, может быть, не всегда правильно нажитыми.

Последняя копейка ставилась так же ребром, как и первая... Как в начале кампании копейка эта шла без счета, потому что много их было впереди и не виделось конца этому, так теперь спускалось последнее, потому что всегда неожиданный в таких случаях конец создавал тяжелое положение, которому не могли помочь оставшиеся крохи. Для многих в перспективе был запас, а следовательно, и прекращение жалования и необходимость искания чего-нибудь, чтобы существовать.

Такие пили мрачно, изверившись, зная всему настоящую его цену, но пили.

Пили до потери сознания, ухаживали за певичками до потери всякого стыда.

Было цинично, грубо и отвратительно.

Какой-нибудь армейский офицер, уже пьяный, гремит саблей и кричит: «Человек, garçon¹» – с таким видом и таким голосом, что глупо и стыдно за него становится, а он только самодовольно оглядывается: вот я, дескать, какой молодец. А если слуга не спешит на его зов, то он громче стучит, так что заглушает пение, а иногда дело доходит и до побоев провинившейся прислуги.

Меня в этот кабак затащило мое начальство – еще молодой, лет тридцати, военный инженер И. Н. Бортов.

Побывав, я решил не ходить туда больше.

Да и обстоятельства складывались благоприятно для этого.

---

¹ официант (фр.).

В ведение Бортова входили как бургасские работы, так и работы в бухте, которая называлась Чингелес-Искелессе.

Эта бухта была на другой стороне обширного Бургасского залива, по прямому направлению водой верстах в семи от города. Вот в эту бухту я и был назначен на пристанские и шоссейные работы.

Для меня, начинающего, получить такое большое дело было очень почетно, но в то же время я боялся, что не справлюсь с ним.

На другой день, после вечера в кафешантане, я явился к Бортову за приказаниями и, между прочим, чистосердечно заявил ему, что боюсь, что не справлюсь. Бортов и сегодня сохранял тот же вид человека, которому море по колено.

Такой он и есть, несомненно, иначе не имел бы и золотой сабли, и Владимира с мечом и бантом, и такой массы орденов, которые прямо не помещались на груди у него.

Не карьерист при этом, конечно, потому что с начальством на ножах – вернее, ни во что его не ставит и, не стесняясь, ругает. Про одного здешнего важного генерала говорит:

– Дурак и вор.

Это даже халатность, которая меня, начинавшего свою службу офицера, немного озадачивала в смысле дисциплины.

На мои опасения, что не справлюсь, Бортов бросил мне:

– Но... Не боги горшки лепят. Иногда посоветуемся вместе. Пойдет.

– Но отчего же, – спросил я, – и вам, тоже еще молодому, и мне, совершенно неопытному, поручают такие большие дела, а все эти полковники сидят без дела?

– Да что ж тут скрывать, – флегматично, подумав, отвечал Бортов, – дело в том, что во главе инженерного ведомства хотя и стоит З., но он болен и где-то за границей лечится, а всем управляет Э. Он просто не доверяет всем этим полковникам. Дает им шоссе в пятьсот верст и на все шоссе выдаст двести золотых. А вот на такое дело, как наше, в миллион франков, ставит вот нас с вами. Считает, что молоды, не успели испортиться.

– И это, конечно, так, – поспешно ответил я.

– Ну, какой молодой, – другой молодой, да ранний. Отчетности у нас никакой: не всегда и расписку можно получить. Да и что такое расписка? Братушка все подпишет и читать не станет. Вот, вчера я пятьдесят тысяч франков заплатил за лес, – вот расписка.

Бортов вынул из стола кусок грязной бумаги, где под текстом стояли болгарские каракули.

– Он не знает, что я написал, я не знаю, что он; может быть, он написал: собаки вы все.

Бортов рассмеялся каким-то преждевременно старческим хихиканьем. Что-то очень неприятное было и в этом смехе и в самом Бортове, – что-то изжитое, холодное, изверившееся, как у самого Мефистофеля.

Из молодого он сразу превратился в старика: множество мелких морщин, глаза потухшие, замершие на чем-то, что они только и видели там, где-то вдали. Он напомнил мне вдруг дядю одного моего товарища, старого развратника.

Бортов собрался и опять деловито заговорил:

– Ну, вот вам десять тысяч на первый раз и поезжайте.

– А где я буду хранить такую сумму?

– В палатке, в сундуке.

– А украдут?

– Составите расписку, – болгарин подпишет.

Бортов опять рассмеялся, как и в первый раз, заглядывая мне в глаза.

– Расписку не составлю, а пулю пушу себе в лоб, – огорченно ответил я.

– Что ж, и это иногда хорошо, – усмехнулся Бортов. И уже просто, ласково прибавил: – А по субботам приезжайте к нам сюда, – в воскресенье ведь нет работ, – и прямо ко мне... вечером в кафешантан... Я, грешный человек, там каждый день.

– Да ведь там гадость, – тихо сказал я.

– Меньшая, – ответил равнодушно Бортов. – Если вам понравилась моя Берта, пожалуйста не стесняйтесь... Я ведь с ней только потому, что она выдержала с нами и Хивинский поход.

Берта, громадного роста, атлет, шумная немка, которая без церемонии вчера несколько раз, проходя мимо Бортова, садилась ему с размаху на колени, обнимала его и комично кричала:

– Ох, как люблю...

А он смеялся своим обычным смехом и говорил своим обычным тоном:

– Ну, ты... раздавишь...

А иногда Берта с деловито-шутливым видом наклонялась и спрашивала по-немецки Бортова:

– Вот у того есть деньги?

И Бортов отвечал ей всегда по-русски, смотря по тому, на кого показывала Берта: если интендант или инженер, – «много», или «мало, плюнь, брось».

И громадная Берта делала вид, что хочет действительно плюнуть.

Нет, Берта была не в моем вкусе, и я только весело рассмеялся в ответ на слова Бортова.

Чтоб быть совершенно искренним, я должен сказать, что в то же время рядом с образом Берты предо мной встал образ другой певицы, француженки, по имени Клотильда.

Это была среднего роста, молодая, начинавшая чуть-чуть полнеть женщина, с ослепительно белым телом: обнаженные плечи, руки так и сверкали свежестью, красотой, белизной. Такое же красивое, молодое, правильное, круглое лицо ее с большими, ласковыми и мягкими, очень красивыми глазами. То, что художники называют последним бликом, от чего картина оживает и говорит о том, что хотел сказать художник, у Клотильды было в ее глазах, живых, говорящих, просящих. Я таких глаз никогда не видал, и, когда она подошла к нашему столу совершенно неожиданно и наши взгляды встретились, я, признаюсь откровенно, в первое мгновение был поражен и смотрел, вероятно, очень опешенно. Что еще очень оригинально – это то, что при черных глазах у нее были волосы цвета поспевшей ржи: золотистые, густые, великолепные волосы, небрежно закрученные в какой-то фантастической прическе, со вкусом, присущим только ее нации. Прядь этих волос упала на ее шею, и белизна шеи еще сильнее подчеркивалась.

Теперь, когда я, сидя с Бортовым, вспомнил вдруг эту подробность, что-то точно коснулось моего сердца – теплое, мягкое, от чего слегка сперлось вдруг мое дыхание.

– Клотильда лучше? – тихо, равнодушно бросил Бортов.

– Да, конечно, Клотильда лучше, – ответил я, краснея и смущенно стараясь что-то вспомнить.

Теперь я вспомнил. Вопрос Бортова остановил меня невольно на первом впечатлении, но были и последующие.

Правда, я не заметил, чтобы кто-нибудь обнял Клотильду или она к кому-нибудь села на колени. В этом отношении она умела очень искусно лавировать, сохраняя мягкость и такт. Но в глаза, как мне, она так же любезно смотрела всем, а за стол одного красного как рак, уже пожилого полковника она присела и довольно долго разговаривала с ним.

В другой раз какой-то молодой офицер в порыве восторга крикнул ей, когда она проходила мимо него:

– Клотильдочка, милая моя!..

На что Клотильда ласково переспросила по-русски:

– Что значит «милая»?

– Значит, что я тебя люблю и хочу поцеловать тебя.

– О-о-о! – ласково сказала ему Клотильда, как говорят маленьким детям, когда они предлагают выкинуть какую-нибудь большую глупость, и, такая же приветливая, мягкая, прошла дальше.

Ушла она из кафешантана под руку с полковником, озабоченно и грациозно подбирая свои юбки.

Случайно ее глаза встретились с Бортовым, и она, кивнув ему, улыбнулась и сверкнула своими яркими, как лучи солнца, глазами. На меня она даже и не взглянула.

Я солгал бы, если б сказал, что я и не хотел, чтобы она смотрела на меня. Напротив, страшно хотел, но, когда она прошла мимо меня, опять занятая своими юбками, с ароматом каких-то пьянящих духов, я вздохнул свободно, и Клотильда-кокотка, развратная женщина, с маской в то же время чистоты и невинности, с видом человека, который как раз именно и делает то дело, которое велели ему его долг и совесть, – Клотильда, притворная актриса, получила от меня всю свою оценку, и я не хотел больше думать о ней.

А мысль, что уже завтра я уеду на ту сторону, в тихую бухту Чингелес-Искелессе, обрадовала в это мгновение меня, как радуется путника, потерявшего вдруг в темноте ночи дорогу, огонек жилья.

Поэтому после первого смущения я и ответил Бортову, горячо и энергично высказав все, что думал о Клотильде.

II

А под вечер того же дня с своим денщиком Никитой я уже устраивался в своем новом месте на самом берегу бухты Чингелес-Искелессе. Мы с Никитой, кажется, сразу пришлись по душе друг другу.

Никита – высокий, широкоплечий, хорошо сложенный хохол. У него очень красивые карие глаза, умные, немного лукавые, и, несмотря на то, что он всего на два года старше меня, но выглядит очень серьезным. И если на мой взгляд Никите больше лет, чем в действительности, то Никите – это очевидно – я кажусь, напротив, гораздо моложе.

Он обращается со мной покровительственно, как с мальчиком, и надо видеть, каким тоном он говорит мне: «Ваше благородие».

– Держите в ежовых рукавицах – будет хорошо, – сказал мне ротный про Никиту.

Никита еще в городе, как самая умная нянька, сейчас же вошел в свою роль. Потребовал у меня денег, накупил всяких запасов, отдал грязное белье стирать, купил ниток и иглол для того, чтобы починять то, что требовало починки, – одним словом, я сразу почувствовал себя в надежных руках и был рад, что совершенно не придется вникать во все эти мелкие хозяйственные дрязги.

В то время, как я собирал в городе нужные инструменты, получал кассу, Никита то и дело появлялся и добродушно, ласково говорил:

– Ваше благородие, а масла тоже купить? А кострульку, так щоб когда супцу, а то кокетки сжарить? Три галагана тут просят.

– Хорошо, хорошо...

Сегодня же я купил и лошадь, и седло, и всю сбрую. Лошадь маленькая, румынская, очень хорошенькая и только с одним недостатком: не всегда идет туда, куда всадник желает. Впоследствии, впрочем, я справился с этим недостатком, накидывая в такие моменты на голову ей свой башлык: потемки ошеломляли ее, и тогда она беспрекословно повиновалась. Никита пошел и дальше, сшив моей румынке специальный чепчик из черного коленкора, с очень сложным механизмом, движением которого чепчик или опускался на глаза, или кокетливо возвышался над холкой румынки.

Мне так по душе пришлась моя румынка, что я хотел было прямо верхом и ехать к месту своего назначения, но Никита энергично восстал, да и я сам, впрочем, раздумал, за поздним вечером, ехать по неизвестной совершенно дороге – и поехали вместе с Никитой на катере.

Когда, приехав в бухту, я вышел и вещи были вынесены, боцман спросил:

– Прикажете отчаливать?

– Ваше благородие, пусть они хоть помогут нам палатку поставить, чего же мы с вами одни тут сделаем?

– У вас время есть? – обратился я к матросам.

– Так точно, – отвечал боцман и приказал своим матросам помочь Никите.

– Ну, где же будем ставить палатку? – спросил Никита.

– Где? – Это вопрос теперь первой важности, и, отогнав все мысли, я стал осматриваться.

Что за чудное место! Золотистый залив, глубокий там, вдали, слева, город виднеется, справа, на мысе, монастырь, здесь, ближе, надвигаются горы, покрытые лесом, в них теряется наша глубокая долина с пологим берегом, с этой теперь золотистой водой, с этим воздухом, тихим, прозрачным, с бирюзовым небом, высоким и привольно и далеко охватившим всю эту прекрасную, как сказка, панораму южного вида.

Кажется, отсюда видна гостиница «Франция», где живет Клотильда, или я обманываюсь? Но бинокль со мной. Конечно, видна...

– Где же, ваше благородие?

Да, где? Но где же, как не здесь, откуда видно...

– Здесь.

Никита стоял в недоумении.

– Да тут, на самом берегу, нас кит-рыба съест, а то щикалки... Туда же лучше...

И Никита показал в ущелье долины.

– Нет, нет, тут.

– Ну, хоть тут вот под бугорком, а то как раз на дороге.

Там в стороне был пригорок, и, пожалуй, там в уголке было еще уютнее и виднее. Между берегом и пригорком образовался род открытой, в несколько сажен в ширину, террасы. С той стороны терраса кончалась горой и лесом. Лучше нельзя было ничего и придумать.

Матросы уехали.

– Ну, вот и готова палатка, – говорил Никита, деловито обходя со всех сторон мою палатку.

– Може, чаю, ваше благородие, хотите? – спросил вдруг Никита.

– Хочу, конечно, и очень хочу.

Никита принялся за самовар, а я на разостланной бурке, на своей террасе, в тени каштанов, лежу и люблю тихим вечером.

Что за чудный уголок!

Через месяц-два здесь закипит жизнь, а пока, кроме меня и Никиты, никого, никакого жилья, никаких признаков жилья. Днем будут работать солдаты, рабочие, но на ночь с последним баркасом будут уезжать все в город.

Как будто утомленный работой, день тихо и мирно уходит на покой. Последними лучами золотится морская гладь, а справа, там, где бухта гористым мысом граничит с открытым морем, на самом краю мыса, на небольшом обрыве из-за зелени выглядывает белый монастырь. Вечерний звон несется оттуда, и он, как песня о детстве, о всем, что было таким близким когда-то, говорит мне родным языком, ласкает душу. Налево Бургас и, как огни, горят стекла его окон.

За моей же террасой косогор, затем опять терраса и спуск в долину. Это сзади, а сбоку косогор поднимается все выше и круче, и оттуда, сверху, глядят вниз обрывы скал, тенистые ущелья. В ущельях по скалам лес, а в лесу множество серн, фазанов, диких кабанов, но еще больше шакалов. Они уже начинают свой ночной концерт, – их крик тоскливый, жалобный, как плач больного ребенка. А скоро в темноте их глаза загорятся по всем этим скалам, как звезды, и там внизу, в своей белой палатке, я увижу уже два ряда звезд, даже три, потому что третий и самый лучший опрокинулся и смотрит на меня из глубины неподвижного моря. Он такой яркий и чистый, как будто вымыт фосфоричной водой моря.

От каких цветов этот аромат, непередаваемо нежный, который несет с собой прохлада ночи? А что за тени там движутся и проходят по воде? Тени каких-то гигантов, которые там вверху шагают с утеса на утес.

Вот одна тень приостановилась и точно слушает и всматривается в нас. А в обманчивом просвете звездной ночи все гуще мрак, словно движется что-то и шепчет беззвучно. Что шепчет? Слова ласки, любви, просьбы?... Чьи-то руки, нежные, прекрасные, вдруг обнимут и вырвут из сердца тайну. Нет этих рук. Жизнь пройдет так в работе, труде, в скитаниях, в этих палатках. Удовлетворение – сознание исполненного долга.

Сознание, которое только в тебе. Для других ты всегда так же темен, как темна эта ночь.

Сегодня полковник, командир того резервного батальона, который будет у меня работать, когда я пожимал ему руку, извиняясь за испачканные руки, так как считал казенное серебро, с улыбочкой, потирая руки, сказал:

– Да, деньги пачкают...

Фу, какая гадость и как обидно, что нельзя устроить так, чтобы все знали, что ты честный человек.

Интересно, Бортов считает меня честным человеком? В нем много, очень много симпатичного – простота, скромность, но в то же время и что-то такое, что дает чувствовать, что верит он только себе.

Особенно неприятен его смех.

Какой-то сарказм в этом смехе, ирония и горечь. В эти мгновения он, всегда сильный, мужественный, умный, делается сразу каким-то жалким, и что-то старческое в нем тогда.

Никакой начальственности в нем, никакого хвастовства, самодовольствия. А человек, несмотря на свои двадцать девять лет, весь в орденах, занимает такое место. Хотел бы я видеть его в деле, – вероятно, скобелевское спокойствие. Недаром Скобелев и любит так его.

О себе, о своих делах никогда ни слова. Все, что слышал я о нем, я слышал от других. Но вот странно: все отдают ему должное и все в то же время говорят о нем таким странным тоном, как будто он уже покойник или кончил свою карьеру. Я считаю, что единственное, что опасно для него, это его любовь рассуждать, бранить свое начальство. Это может серьезно повредить его карьере, а иначе перед ним прямо блестящая дорога.

Когда он стоит в ряду других, довольно посмотреть на его благородную осанку, спокойное, одухотворенное, полное благородства лицо, чтобы почувствовать, что этот человек выше толпы, это сила. Может быть, это тем хуже, потому что толпа – всегда толпа и всегда инстинктивно, бессознательно стремится к нивелировке. Какой-то меч проходит, и высокие головы падают. Надо уметь вовремя склонять их.

Откуда во мне эта философия? Пора спать.

– Ваше благородие, а хотите, я вам голову обрею? В нашей роте подпоручик Нахимов був, и редкие, редкие у него волосики були, как шматочки, а як я обрив его, то таки космы потом стали...

– Но у меня, кажется, не редкие, – возразил я.

– А все ж гуще будут, – ответил Никита с такой беспредельной уверенностью, что поколебал меня.

Хорошая сторона бритья головы была в том, что это окончательно прикует меня к работе, к этому месту.

А чего другого я желаю? Не ездить же с бритой головой по кафешантанам...

И решение мое тут же созрело.

– Хорошо: брей.

– Ну, так завтра я вас обрею.

– А сегодня?

Даже Никита смутился.

– Что ж... сегодня...

Мы устроили в палатке стол, поставили зеркало, зажгли свечи. С некоторой грустью смотрел я на свои волосы, которые Никита торопливо и кое-как остригивал ножницами. Затем он намылил мне голову и стал водить бритвой, комично высывая язык.

Если не считать маленького пореза возле уха, после которого Никита наставительно сказал: «А зачем вы шевелитесь?» – все остальное кончилось прекрасно. И, оставшись один, я с наслаждением осматривал свою теперь, как колено, голую голову.

На другой день Бортов, увидя меня, хохотал, как ребенок.

– Да что это вам в голову пришло?

– Пришло в голову, собственно, Никите.

– А что, разве не хорошо? – спрашивал Никита, – ей-богу же, хорошо.

– А себя ты что не обрил?

– А мне на что?

Сегодня с Бортовым мы едем в лес, чтобы решить вопрос о будущем шоссе.

Лес дубовый, невысокий, много желтых листьев уже на земле и, сухие, они приятно хрустят под ногами лошадей. Вверху видно голубое небо, а сквозь тонкие стволы видно далеко кругом. То фазан сорвется, то торопливо прошмыгнет что-то маленькое, уродливое, унылое: это шакал. На полянке свежие следы кабанов – взрытая, как паханая земля.

Бортов останавливался около следов, внимательно всматривался и с завистью говорил:
– Сегодня ночью были...

В одном месте вдруг шарахнулась было лошадь Бортова, взвилась на дыбы и, повернувшись на задних ногах, собралась было умчаться назад, но Бортов, прекрасный ездок, скоро, несмотря на козлы, которые задала было его лошадь, справился.

Понеси лошадь, плохо пришлось бы Бортову. Но Бортов только твердил, прыгая на лошади:

– Врешь, врешь...

Было отчего и испугаться лошади: на повороте тропки, прислонившись к дереву, сидел человек в свитке. Голова его склонилась, точно он задумался, руки как плети висели по сторонам, ноги протянулись. У ног потухший костер. Из-под шапки выглядывало посиневшее, разложившееся уже лицо. Во впадинах глаз сидел рой мух, своим движением делая обманчивое впечатление странно, частями, движущихся глаз. Нестерпимый запах трупа говорил о том, что он уже давно здесь. Почему он здесь, какая тайна произошла тут? Что пережил он в свои последние минуты?

Задумался и сидит, точно все еще вспоминает свою далекую родину, близких сердцу... Столько тоски было в его позе, столько одиночества.

– Это погонщик – вероятно, припадок здешней лихорадки, – сказал Бортов, – трех-четырех припадков довольно, чтобы уложить в гроб любого силача, а этот был и без того, как видно, изнурен.

Я слушал. Казалось, слушал и покойник – напряженно, внимательно. Слушали деревья, ветви, трава, голубое небо – все слушало в каком-то точно страхе, что вот-вот откроется то таинственное, что происходило здесь, и узнают вдруг люди страшную тайну.

Но Бортов уже проехал дальше, бросив:

– Надо будет сказать окружающему, чтобы убрали... – И, помолчав, прибавил: – Это хорошая смерть.

– Что? – переспросил я, занятый мыслями о судьбе погонщика.

– Говорю: это хорошая смерть.

Он так холодно говорил.

– В смерти мало хорошего, – ответил я.

– Смерть – друг людей.

– Предпочитаю живого друга.

– Живой изменит.

И резонанс его голоса зазвучал мне эхом из пустого гроба. Какое-то сравнение Бортова с тем покойником промелькнуло в моей голове.

Если сильный, умный Бортов говорил так, что делать другим? И почему он говорил так?

На той стороне реки Мандры я остановил лошадь, чтобы попрощаться с Бортовым.

– Едем в город, – сказал с просьбой в голосе Бортов.

Я только нерешительно, молча показал на свою голую голову.

– Да ведь вы в шапке, надвиньте больше на уши, – кто заметит?

Я колебался. Солнце уже село. Мертвые фиолетовые тона бороздили море и темным туманом терялись в отлогом и песчаном необитаемом побережье.

В город тянуло, – хотелось жизни, а там назади еще сидел и словно ждал меня, чтобы рассказать и передать мне свою смертную тоску, покойник.

– Едем, – согласился я.

И после этого решения и я и Бортов вдруг повеселели, оживились. Вспоминали наше инженерное училище, учителей и весело проболтали всю остальную дорогу до города.

В квартире Бортова нас встретил немного смущенный Никита.

– А я сейчас верхом хотел ехать: прибежал на пристань, а катер перед носом: фьють...

– Я, значит, там один бы сегодня сидел?

– Ну, так как же один? – отвечал Никита, – опять же удвох бог привел.

И успокоенным голосом Никита сказал, как говорит возвратившаяся из города нянька:

– А я вам, ваше благородие, турецкую шапочку купив, щоб с голой головой не ухватить какой хвори.

И Никита вынул из одного из свертков голубую феску.

– Глаза у вас голубые и хвеска голубая.

Когда я надел и посмотрел в зеркало, Никита сказал:

– Ей-богу же, хорошо.

Бортов, уже опять обычный, окинул меня взглядом и сказал:

– Так и идите.

Так я и пошел в кафешантан.

Опять пели, пили, кричали и стучали.

Опять Берта дурачилась и Клотильда обжигала своими глазами.

Клотильда подошла к Бортову, пожала его руку и, присев так, что я очутился у нее за спиной, озабоченно спросила:

– Кто этот молодой офицер, который был с вами третьего дня?

– Понравился? – спросил ее Бортов.

– У него замечательно красивые волосы, – серьезно сказала Клотильда.

В ответ на это Бортов бурно расхохотался.

Пока Клотильда смотрела на него как на человека, который внезапно помешался, Бортов закашлялся и в промежутках кашля, отмахиваясь, говорил:

– Ну вас... убили... вот...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.